

А.В. Дружинин

Собрание сочинений

Том 7. Русская литература

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.В. Дружинин**
Собрание сочинений: Том 7. Русская литература / А.В. Дружинин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 786 с.

ISBN 978-5-518-08071-3

ISBN 978-5-518-08071-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

І.

«ГРЕЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ» Н. ЩЕРБИНЫ. ОДЕССА. 1850.

Если вѣрить газетамъ, которыя за двадцать лѣтъ тому назадъ гласи совершенно также, какъ глутъ и теперъ, — въ Греціи, около 1830 года, происходило достопримѣчательное торжество. Двое богатыхъ негоціантовъ, имѣвшихъ обширныя владѣнія неподалеку отъ Аѳинъ, не жалѣя огромныхъ суммъ и трудовъ, рѣшились въ XIX столѣтіи воскресить одинъ изъ дней древней Греціи. Оба они получили блестящее образованіе въ одномъ изъ германскихъ или французскихъ университетовъ, оба носили имена, прославленныя въ войнѣ противъ мусульманъ, оба въ совершенствѣ знали старую словесность своей родины и пламенно сочувствовали древнему искусству. Въ ихъ земляхъ находилось нѣсколько историческихъ развалинъ, изъ которыхъ одна, именно храмъ Зевса Олимпійскаго, сохранилась болѣе другихъ. Храмъ этотъ былъ наскоро реставрированъ искуснымъ архитекторомъ, эллиномъ въ душѣ, украшенъ изваяніями и цвѣтами. По приглашенію обоихъ поэтовъ (безъ сомнѣнія, эти люди были поэтами въ душѣ), съѣхалась къ нимъ компанія археологовъ, художниковъ и знатоковъ древней словесности, и послѣ долгаго труда и преній составлена была длинная программа торжества, заключающаго въ себѣ народную процессію, игры и такъ далѣе. Заготовлены были изящные костюмы древнихъ временъ, свѣтильники, колесницы, оружіе, жертвенники и курильницы, — однимъ словомъ, всѣ принадлежности древней греческой жизни, до малѣйшихъ подробностей. Изъ поселенъ и пріѣзжихъ любителей выбраны были старики, юноши, женщины и дѣти, отличавшіеся красотою, которая еще не утратилась въ

ныиѣшней Греціи. Глины Калимаха и другихъ поэтовъ положены были на музыку, оркестръ состоялъ изъ тетрахордъ, теорбъ и флейтъ. Многосложная археологическая задача рѣшена была съ помощію огромныхъ пожертвованій, и въ назначенный день открылось празднество, начавшееся шествіемъ къ древнему храму и окончившееся плясками и гомерическимъ ужиномъ. Этотъ день, важный для учоцаго, былъ не менѣе блистательнымъ и для художника. Тоже солнце, которое сіяло надъ истійскими играми, озаряло восторгъ нашихъ поклонниковъ древности; въ виду ихъ плескалось тоже море, по которому ходили корабли Фемистокла; на горизонтѣ видѣлись тѣже лиловыя горы, на которыхъ покоились глаза Пивдара и Сократа.

Но могло ли подобное празднество дать непосвященному чело-вѣку полное понятіе объ очаровательномъ бытѣ древней Греціи? Ни въ какомъ случаѣ не могло: въ торжествѣ, затѣянномъ поклонниками отжившаго міра, не было элементовъ прежней жизни: въ немъ былъ восторгъ, было удивленіе, было пламенное поклоненіе искусству, была скорбь о времени славы, — но не было того дѣтскаго, простодушнаго элемента, который такъ ослѣпительно сіялъ въ древней Греціи. И до того элемента не добраться болѣе современному чело-вѣку, не смотря ни на его усилія, ни на его горячіе порывы къ эллинскому міру. Первая любовь съ своими сладкими, юношескими помыслами не приходитъ два раза; можно цѣлый годъ просидѣть въ кружку граціозныхъ и рѣзвыхъ дѣтей, но время дѣтства все-таки не воротится.

Тѣмъ не менѣе сознательное влеченіе къ древнему міру, восторженная симпатія къ его остаткамъ, понятно и трогательно. Оно обильно своего рода поэзію, — не тою поэзію, которая ключемъ кипитъ въ сердцѣ осьмнадцатилѣтняго юноши, но тою, которая теплится ровнымъ пламенемъ въ груди чело-вѣка, извѣдавшаго жизнь съ ея горемъ и радостію. По временамъ поэзія подобнаго рода достигаетъ истиннаго величія и хранитъ въ себѣ рѣзкую самостоятельность. Скажемъ болѣе: безъ этой-то самостоятельности всѣ произведенія словесности, внушенные сочувствіемъ къ древнему міру и древнему искусству, носятъ въ себѣ характеръ слабости, подражательности, неестественности.

Признаемся откровенно, что, перечитывая почти всѣхъ апологическихъ поэтовъ, появившихся въ началѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ столѣтіи, мы невольно помышляемъ о томъ праздникѣ въ честь древней Греціи, про которой мы сейчасъ говорили. Есть нѣчто чужое, холодное, безжизненное въ этихъ подражаніяхъ

эллинической словесности, подъ которыми, однако, значатся имена первых писателей нашего времени. Кроме того, если подобнаго рода произведеіе и дѣйствительно пробуждаетъ въ насъ иногда сладкое чувство, то мы какъ будто боимся ему доверяться: намъ кажется, что оно возбуждено собственными нашими воспомина-ніями; мы очень хорошо знаемъ, что человѣку съ эстетическимъ вкусомъ довольно вспомнить одни имена Греціи, боговъ Олимпа, чтобы въ его душѣ зашевелилось вѣчно овѣщее и вѣчно милое ощущеніе. И чѣмъ длиннѣе произведеіе, возбужденное подражаніемъ древнимъ, тѣмъ болѣе въ немъ сухости и безжизненности. Самъ Гёте, такъ превосходно копировавшій поэтовъ антологіи, подарилъ насъ двумя скучнѣйшими вещами: «Ахиллеодою» и «Ионте-нію». Что касается до большинства русскіихъ поэтовъ, то можно сказать утвердительно, что наше поверхностное знакомство съ греческою словесностію привело насъ къ подражанію незавидному. Читая антологическія стихотворенія Пушкина, такъ и чувствуешь, не взирая на ихъ прелесть, что поэтъ немного извлекаетъ изъ этой богатой жилы для художника. Привязанность вообще всѣхъ поэтовъ къ подражаніямъ такого рода объясняется весьма легко: издавна воображенію самыхъ самостоятельныхъ дѣятелей въ словесности льстила та область фантазіи, гдѣ все такъ тихо, престоудушно и свѣтло, куда не проникнули ни наши утонченныя страсти, ни тревоженія современныхъ умовъ; умѣренность красокъ, рельефность очертаній, простота и несложность идей, — всѣ эти достоинства, къ которымъ прѣучало ихъ изученіе древней словесности, казались имъ крайнимъ предѣломъ совершенства. Отъ безотчетнаго удивленія одинъ только шагъ къ рабскому подражанію, а рабское подражаніе прямо ведетъ къ новому недостатку, а именно къ слѣшкомъ близорукому, такъ сказать, одностороннему взгляду на вещи. Большая часть поэтовъ, копируя древнихъ художниковъ, пришли къ узкому понятію о значеніи самого древняго искусства.

Они не хотѣли посмотреть на предметъ съ болѣе важной точки зрѣнія: гоняясь за буквою, они опустили изъ вида духъ древняго искусства и такимъ образомъ оттолкнули отъ себя всякую попытку на самостоятельность въ произведеніяхъ, навѣянныхъ имъ древнею жизнью. Они не сумѣли извлечь всей пользы изъ той истины, что греческій міръ заключалъ въ себѣ сѣмена развитія, общаго всему человѣчеству. Все частное, временное, случайное умерло въ Греціи, истинное и общечеловѣческое передано намъ и живетъ у насъ или подъ другими формами, или въ даль-

иѣншемъ развитіи. Поклоненіе красотѣ, глубокое сознаніе успокоительной силы природы, простодушное проявленіе страстей, наука наслаждаться жизнью и тысяча другихъ идей высказывались въ эллинской жизни иногда съ полнѣй ясностью, иногда смутно, иногда безразсудительно. Уразумѣвъ эти истины, прослѣдя всѣ идеи, намеки, заключающіеся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, всякій поэтъ увидитъ, что его собственная роль, его воззрѣніе на древній міръ измѣнились значительно. Онъ уже не безсидень, не ничтоженъ передъ красотами древняго міра, онъ уже не рабъ буквы древнихъ писателей, онъ уже не жалкій копистъ, уныло сидящій передъ превосходною картиною: онъ скорѣе похожъ на отличнаго историка, заваленнаго грудой матеріаловъ для его будущей книги. Онъ начинаетъ понимать отдаленныя, скрытыя, невысказанныя мысли отжившаго народа и чувствуетъ, что можетъ передавать ихъ современникамъ въ стройномъ и цѣломъ изданіи. Онъ не грекъ да и не тянется къ невозможному достиженію древнихъ мелочей; но онъ и не просто современный человѣкъ: онъ поэтъ, котораго дарованіе широко раскинулось подъ вліяніемъ древнихъ образцовъ; онъ уже не копируетъ древней антологіи; онъ чувствуетъ, что можетъ подняться выше; онъ не подражаетъ однимъ только оборотамъ Анакреона и Теокрита: онъ живетъ ихъ мыслью, дополняя ее согласно своему разуму, своему сердцу, сообразно своему пониманію древняго и новаго міра. Такой поэтъ не можетъ не любить древняго искусства съ горячею симпатією; его мотивъ эти вдохновенныя слова Шиллера:

Schöne Welt, wo bist du? Kehre wieder
Hohles Blütenstall der Natur!
Ach, nur in dem Feenland der Lieder
Lebt noch deine fabelhafte Spur!

Но, повторяя этотъ голосъ души при созерцаніи отжившей прелести, онъ, какъ человѣкъ своего времени, выскрываетъ въ древней словесности идеи и образы какъ можно болѣе близкіе къ нашей жизни, и на нихъ останавливается со страстью. Его твореній никто не смѣшиваетъ съ трудами Пиндара и Софокла; но дѣло въ томъ, что еслѣвъ Софоклъ и Пиндаръ проживали въ наше время то писали бъ по его способу.

То, что сказано нами о большинствѣ современныхъ поэтовъ, увлеченныхъ рабскимъ подражаніемъ древней словесности, не можетъ вполнѣ относиться къ лучшимъ изъ нихъ. Возвышенные умы, подобныя Гёте и Шиллеру, не могли не постигать, какой

могучій потокъ поэзіи заключался въ сліяніи древняго элемента съ современною жизнью; но оба поэта Германіи не ограничивали своей дѣятельности однимъ возсозданіемъ древнихъ идеаловъ; произведенія, навѣянные имъ созерцаніемъ эллинскаго міра, не были ихъ исключительною спеціальною: то были этюды, совершенныя съ любовью, только одна часть ихъ многосложныхъ трудовъ, одна сторона ихъ поэтическихъ привязанностей; оттого ни тотъ, ни другой не могли обратитъ на нихъ всего своего вниманія. Совѣсть тѣмъ они много сдѣлали во этой части, въ особенности Гёте, которому суждено было испытать всѣ роды дѣятельности, переходить отъ ложнаго къ высокому, отъ плохого къ художественному, отъ второй части «Фауста» къ «Коринфской Невѣстѣ», отъ «Доротен» къ «Миньонѣ». Въ томъ, что Гёте глубоко понималъ древнюю жизнь и могъ быть самостоятельнымъ въ ея изображеніи, можетъ служить доказательствомъ его «Прометей» и другія превосходныя стихотворенія. Какимъ же образомъ рядомъ съ этими вещами создались «Ахиллеяда» и рабскія подражанія антологіи, принадлежитъ къ одной изъ тайнъ этого олимпійскаго сонника.

Намъ кажется, что самостоятельности Гёте вредила во многихъ его произведеніяхъ изъ древней жизни излишняя безстрастность поэта; Шиллеру же, напротивъ того, служила препятствіемъ черезчуръ симпатическая, черезчуръ горячая его душа. Начиная сродною картиною, Шиллеръ очень часто кончалъ восторженными днѣррабамъ; но совѣсть тѣмъ это смѣшеніе родовъ составляло одну изъ прелестей его поэзіи. Въ книжкѣ, находящейся передъ нами, мы не разъ встрѣтимъ ту же манеру, страстную и неподготовленную; она и здѣсь хороша, потому что тоже основана на безыскусственной, душевной симпатіи къ генію древней Эллады.

Есть еще одинъ блистательный поэтъ, уступающій двумъ названнымъ нами художникамъ въ силѣ дарованія и многосторонности направленія, но въ произведеніяхъ котораго съ необыкновенною прелестію выказываются идеи, зародышъ которыхъ почерпнуть изъ древняго міра, — поэтъ, съ необычайной удачею слившій въ своихъ созданіяхъ поэзію греческой жизни съ поэзіей современною, и вслѣдствіе такого сліянія завоевавшій себѣ почетную самостоятельность. Мы говоримъ объ Андреѣ Шенье — писателѣ, родившемся во Франціи, навесимъ сильный ударъ псевдоклассической словесности своей родины, — той самой словесности, которая отъ рабскаго подражанія древнимъ правиламъ дошла до совершен-

ныхъ противорѣчій съ правилами древняго и новаго искусства, и умершемъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ блескѣ силы и таланта. Чтобъ быть совершенно справедливымъ, слѣдуетъ еще упомянуть о неизвѣстномъ у насъ британскомъ поэтѣ Китсѣ, современникѣ Байрона, отличавшемся замѣчательнымъ сочувствіемъ къ древнему міру и самостоятельностью въ произведеніяхъ, внушенныхъ этимъ міромъ. Читатель не любитъ сухихъ умозаключеній и совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Прослѣдивъ за нашимъ раздѣленіемъ поэтовъ-подражателей древности на два рѣзкіе отдѣла: поэтовъ рабски подражательныхъ и поэтовъ самостоятельныхъ въ самомъ подражаніи, онъ вправѣ проситъ насъ, чтобъ мы привели тутъ же примѣръ такихъ самостоятельныхъ подражаній, показавъ ему, какимъ образомъ даровитые люди досказываютъ мысли древнихъ и сообщаютъ имъ особенную, современную прелесть. На этотъ случай мы готовы, и примѣровъ искать долго не будемъ.

Всякому извѣстно, что древніе греки не любили умирать: ихъ понятія не были освящены идеями христіанства и земная жизнь казалась имъ высшимъ благомъ. Герои «Иліады» смѣло шли на бой: но, умирая подъ копьемъ врага, они тосковали, и душа ихъ тихо вылетала изъ тѣла, плача о юности и сладкой жизни. Женщины Софокла и Еврипида умирали не со стоическимъ хладнокровіемъ, не съ сладкими надеждами, а со слезами о жизни; онѣ рыдали, покидая земныя привязанности. Положимъ, что поэту задана тема такого рода: сѣтованія юной женщины, которой грозитъ погибель. Изложеніе должно быть въ древнемъ вкусѣ. Что сдѣлаетъ съ подобною задачею поэтъ чисто подражательный, поэтъ антологическій, одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ мы такъ много видѣли въ послѣднее время. Онъ припомнитъ плачъ Авдромахи, трогательные вопли софокловой Антигоны, простодушно сокрушающейся о томъ, что у ней не будетъ своего дома, что она не взраститъ въ пемъ дѣтей, — прицетъ еще сотню примѣровъ и, собирая въ одномъ мѣстѣ первую черту, въ другомъ вторую и третью, создастъ подражаніе, сколокъ съ древнихъ поэтовъ, — этюдъ, можетъ быть, замѣчательный. И не слѣдуетъ воображать, чтобъ подобный трудъ былъ легокъ: нѣтъ! для него потребно много художественной способности, много познаній, теплоты душевной, вкуса и умѣнья владѣть языкомъ. И не смотря на то, въ подобномъ произведеніи будетъ весьма мало самостоятельнаго.

Въ послѣдніе дни своей жизни, одинъ изъ поэтовъ, о кото-

рыхъ мы только что говорили, именно Андрей Шенье, имѣлъ случай вдохновиться совершенно тою же идеею. Эта исторія необыкновенно трогательна. Въ Сенъ-Лазарской темницѣ, гдѣ безвинно содержался поэтъ и откуда вышелъ онъ только для того, чтобъ сложить свою голову на эшафотѣ, находилась въ одно время съ нимъ аристократическая дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтства, именно дѣвица де-Куальи. Судьба юной красавицы была не совсѣмъ блистательна: смерть должна была подойти къ ней въ скоромъ времени; каждый день кровавый трибуналъ могъ изречь ее изъ заточенія и послать на гибель. Видъ этого невиннаго существа, возбуждивъ симпатію поэта, ввухшылъ ему стихи, едва ли не самые прелестныя во всей французской словесности. Шенье былъ пропитанъ древнею словесностью, а потому исходная идея его стихотворенія и подробности его были чисто греческія.

Вотъ бѣдный переводъ этого превосходнаго стихотворенія.

•Колось, только что зазеленѣвшій, зрѣеть на полѣ и не страшитяся серпа, не опасаяся тисковъ, виноградная кисть впиваетъ въ себя сладкое дыханіе Авроры: я также молода и прекрасна, и хотя настоящій часъ страшенъ и грустенъ, — я еще не хочу умирать.

•Пусть безчувственный стожъ радостно встрѣчаетъ смерть, — я хочу только плакать и надѣяться, при мрачномъ порывѣ сѣвернаго вѣтра склонять голову и вновь поднимать ее. Въ жизни не все одна горечь — развѣ есть медъ, послѣ котораго не чувствуешь отвращенія? развѣ есть моря безъ бурь?

•Свѣтлыя мечты роятся въ моей груди: напрасно тяготѣютъ надо мною стѣны темницы, надежды мои имѣютъ крылья. Такъ Филомела, вырвавшись изъ силковъ жестокаго птицелова, живѣе, веселѣе прежняго взвивается подѣ облака.

•Мнѣ ли умирать? я засыпаю спокойно и день мой проходитъ тихъ: я не знаю угрызений совѣсти. Даже въ этой грустной обители всѣ смотрятъ на меня ласково; при моемъ появленіи, что-то въ родѣ радости видится на лицахъ унылыхъ узниковъ.

•Мой прекрасный путь не можетъ такъ кончиться: я только что начала его... я едва миновала первыя деревья по краямъ дороги. На только что начатомъ пиру жизни я только что успѣла взяться за чашу, и она еще такъ полна въ моихъ рукахъ!

•Я видѣла одну весну: мнѣ хочется видѣть дѣнь жатвы; солнце совершаетъ свой годъ, переходя отъ лѣта къ змѣѣ, и я того же желаю себѣ. Только что расдувавшися на своемъ стеблѣ и на-

чавши радовать весь садъ, я хочу дождаться до вечера: меня грѣли только утренніе лучи солнца.

«О, смерть! удались же, удались отъ меня, ступай утѣшать сердца, изглоданныя страхомъ, стыдомъ и отчаяніемъ. Для меня богиня природы хранить свои тѣнистыя убѣжища, для меня живетъ любовь съ ея попалуями, музы съ ихъ вдохновенными пѣснями. Мнѣ еще рано... я не хочу умирать.»

Кто изъ людей, читавшихъ греческихъ писателей, не сознается въ томъ, что и основная идея и манера «Молодой Узницы» Шенье служатъ нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ идеи софокловѣи «Антигоны», манеры эоокритовыхъ идиллій. Юное и невинное существо, поставленное лицомъ къ лицу съ ожиданіемъ смерти, воспѣто поэтомъ, глубоко изучившимъ и духъ и букву древней словесности. А совѣтъ тѣмъ сколько въ этой вещи самостоятельности, жизни, мысли, общихъ во всемъ вѣкахъ и народахъ! Въ особенности наивное, невыразимое прекрасное обращеніе бѣдной дѣвушки, въ которомъ она проситъ смерть отойти отъ нея и удалиться къ другимъ людямъ, должно такого граціознаго эгоизма, такъ ново и совѣтъ тѣмъ такъ истинно, что можетъ равно прийтись и къ чувствамъ древней и къ понятіямъ современной женщины. Но довольно объ Андреѣ Шенье. Пора обратиться къ книжечкѣ русскихъ стихотвореній, изданныхъ въ Одессѣ, въ 1850 году.

«Греческія Стихотворенія» г. Щербины съ перваго разу предупредили насъ въ свою пользу. Мы очень хорошо знаемъ, что стиховъ въ антологическомъ родѣ невозможно писать съ плеча, и признаемся, что мы болѣе всего боимся этого послѣдняго рода стихотвореній. Даже кажется намъ, что единственная причина обилія плохихъ стиховъ заключается въ томъ, что большинство поэтовъ очень любятъ знаменитый стихъ Гёте:

Ich singe wie der Vogel singt!

то есть, что они поютъ очень быстро и, на первыхъ порахъ оставаясь довольны своими пѣснями, поспѣшаютъ передавать ихъ тишенію. Во-вторыхъ, намъ легко было убѣдиться, что г. Щербина почти раздѣляетъ наши собственныя мысли касательно подражаній древнимъ, то есть почитаетъ необходимою слѣдить не столько за буквой, какъ за мыслью греческой словесности. Эта мысль, если не ошибаемся, выражена самимъ авторомъ въ концѣ книги. Въ-третьихъ, стихъ вездѣ гладокъ, звученъ и правиленъ. Въ-четвертыхъ, книжечка красива и тонка; впрочемъ, это было только